

Вайсбанд И. Д.

ОБ АУШРЕ, СОЦИОНИКЕ И НЕМНОГО — О ЖИЗНИ

Размышления и воспоминания о развитии соционики в 80-х годах XX века, ее возможностях и перспективах.

Ключевые слова: соционика, психология, типология личности, А. Аугустинавичюте.

«Ведь любовь не кончается, когда люди не видят друг друга?» — говорит героиня одного западного фильма. «Это не мой тип любви» — парирует ее партнер и добавляет фразу, которая по немецки звучит так: «Um zu sein, muss man wahrgenommen werden». Это можно перевести: «Чтобы существовать, человек должен кем-то восприниматься», если пренебречь еще четырьмя значениями заковыристого немецкого слова «wahrnehmen». Фраза меня поразила — само существование человека ставится в зависимость от того, кто его окружает. (Впрочем, то, что качество и количество «существования» может меняться в течение жизни на порядки, причем — именно под воздействием людей из близкого окружения — это мой личный жизненный опыт.)

Возникает ощущение, что речь идет о чем-то очень важном для человеческой жизни: мы стоим на пороге какой-то тайны бытия. Ах, если бы мне удалось передать это ощущение сейчас, в этой работе, посвященной памяти Аушры! Ведь это — ее ощущение тех времен, когда она начинала работу над созданием соционики, главное ощущение в жизни каждого *Дон Кихота*. Можно ли сделать мимолетный запах памятником создавшему его парфюмеру? Почему нет, если это «Шанель № 5»?

Но что там люди! Возникновение и гибель этносов Лев Гумилев объяснял «пассионарными взрывами». Внезапно появляется и быстро размножается когорта людей, готовых жертвовать жизнью ради идеи. Дальше все идет по естественным законам. Но вот сам первый толчок — как он возникает? Гумилев не знает ответа. В одних местах он дает неясные ссылки на неземной характер этого события. В других — относит его просто к Встрече нескольких людей, которые «комплиментарны» (для соционика это слово звучит как-то знакомо) друг другу. Так, христианский этнос начался со встречи Христа с апостолами.

Однажды я встретил на улице свою подругу Наташку Морозову. «Ты ведь интересуешься психологией», — сказала она. Я еще до того основал свой психологический клуб при Доме Ученых; там была чудненькая богемная тусовка. — «Тут, пока тебя не было, приезжала Аушра Аугустинавичюте, она рассказывала о соционике». «А что это такое?». «Лучше послушай сам. Жена Олега Бахтиярова организовала семинар. Они собираются по четвергам». Я начал посещать семинар. Света Бахтиярова приходила нерегулярно, и я по старой привычке председателя психологической секции и по быстро развившемуся фанатизму (если не я — то кто же?) скоро перенял управление на себя. По тесту я вышел на тип *Есенин*. Вскоре Аушра приехала в Киев снова. Мы ехали с ней в троллейбусе, и я стал вдохновенно излагать ей какие-то идеи. Она прервала меня на самом интересном месте, в своей обаятельной безапелляционной манере: «Ты не *Есенин*, ты — *Дон Кихот*».

Так что *Дон Кихотом* меня назначила сама родоначальница движения. И я иногда думаю, а что было бы, если бы она этого не сделала? Я бы спокойно продолжал работать в соционике, создал бы собственную школу. Назначал бы тех, кто мне нравится, в своих *дуалов* и *активаторов*. Активно и с большим полемическим задором отстаивал бы именно свою диагностику, как это принято в соционике — не затрудняя себя доказательствами, а ссылаясь на очевидность. Радостно поддерживал бы мнение, что *Есенин* — это самый тип, типее всех типов. («Советский цирк! Циркее всех цирков» — ударение на «ов».) Легкий сарказм здесь обусловлен попыткой покаяться в тех грехах соционики, в возникновении или развитии которых я принял личное участие.

Впрочем, мы тогда были настоящими неопитами — это страшная сила. Я развлекаюсь иногда, сравнивая наше развитие с христианской или, там, мусульманской цивилизациями. Не то, чтобы я был уверен в равнозначности этих событий, просто есть интересные сопоставления. Христианство было признано государственной религией Константином Великим через 300 лет после вознесения Христа. Но когда я, например, пришел в соционику, это была гроздь крохотных полуподпольных секточек, рассеянных по просторам бывшего Союза и презираемых официальной наукой. А когда через 10 лет уезжал в Германию, мои товарищи становились зав. кафедрами соционики в университетах! Изданные книги, журналы, защищенные степени.

На конгрессе немецких психологов в Дрездене мне пришлось встретиться с главой делегации РАН — академиком Ксенией Абульхановой. Она спросила меня с невинным видом: «Что такое соционика?». «Соционика — это методика», — мгновенно среагировал я. «А почему же вы называли ее наукой?». «Не пустили ее в науку, пришлось создавать собственную» — засмеялся я. Из беседы выяснилось, что академик относится к соционике довольно лояльно и чуть ли не объясняет ею некоторые реалии из жизни собственной семьи. Пикантность ситуации заключалась в том, что, как я слышал позже, Аушра обращалась в свое время именно к Абульхановой и не нашла тогда понимания.

И все же проблема соционики в ее неспособности оставаться тем, что она есть на самом деле. В узком смысле — это действительно просто одна из психологических методик, которую еще разрабатывать и разрабатывать. Как информатик я склонен видеть в ней контуры будущей общей теории обработки информации — науки 21-го века. Здесь — тем более, еще конь не валялся. Но она-то норовит стать, точнее, — не может не стать — еще и религией! Этаким языческим культом с пантеоном из 16-ти богов. Я, опять же, сам приложил к этому руку. Света Бахтиярова — врач-психотерапевт, и разговаривала с нами — крошечной сектой ранних христиан, — как привыкла разговаривать со своими пациентами: «Все мы пришли сюда потому, что у нас есть проблемы, и мы должны помочь друг другу избавиться от этих проблем». Я орал: «Здесь не богадельня!» и дрался как лев за придание всем типам позитивного имиджа — 16 миссий, идеалов. Я не понимал тогда, что именно БОГА (!) ДЕЛЬНЯ. Речь ведь идет о самоидентификации: достаточно назвать человека пролетарием, или арийцем, или Наполеоном, — и он тут же начинает пытаться соответствовать.

Создать хорошую религию гораздо труднее, чем открыть теорию относительности или таблицу интертипных отношений. Чуть ли не последним это сделал Иисус Христос. Даже такие умные люди, как Магомет и Маркс не были настолько успешны, если иметь в виду «пояс шахида» и реальный социализм. Боюсь, что соционика в ее современном виде не способна сделать человека счастливым. Этого не могут даже иудейство и христианство. Но они способны хотя бы не дать ему сойти с ума. Они способствуют более трезвому, мудрому и — в конечном счете — успешному подходу к жизни. Думаю, большую роль в этом играет вторая заповедь, принесенная Моисеем с горы Синай — «Не сотвори себе кумира».

Это было, видимо, важнее, чем «Не прелюбодействуй» и даже «Не убий». Следы отчаянной борьбы против того, чтобы библейский Бог превратился просто еще в одного идола, пронизывают всю религию. Его нельзя рисовать, нельзя называть по имени и даже по должности — надо писать не «Бог», а «Б-г». А соционика — религия молодая, или, точнее, — никакая, — не предпринимает никаких антикумирных мер. Что толку, что женщина, с которой вы связываете свою жизнь, — ваш *дуал*, если она, например, легко ведется на провокации ваших недоброжелателей?

Более того, есть любители сплотить ряды социоников красивой мифологией, заимствованной из сомнительных источников. Да, сплочение рядов — функция любой человеческой общности. Но когда средство начинает насмехаться над своей целью — это распад. Недавно одна любительница соционики спросила, почему я не пользуюсь типологией Афанасьева — очень хорошая типология. Может быть, так оно и есть. Но она сказала это точно так же, как говорят: «Вчера читала сказки братьев Гримм — тоже очень хорошие сказки».

Сахаров говорил: «Я не знаю русских идей и нерусских идей. Я знаю правильные идеи и неправильные идеи». Есть люди, и я склонен относиться к ним с уважением, которым идея русской березки или украинской ночи гораздо важнее любой теоремы Пуанкаре. Соционика же ближе по духу к Сахарову и Перельману-младшему, который эту теорему доказал. Что же касается старшего — автора «Занимательной физики» — его пример показывает, как много можно сделать для науки, даже не будучи Эйнштейном, Пуанкаре или Аушрой, но уважая их наследие.